

ГРИГОРЕВСКИЙ ЕГОР

СОННАЯ ЛОЩИНА

НАСЛЕДИЕ ТОРНОВ

Григорьевский Егор

Сонная Лощина: Наследие Торнов

«Автор»

2025

Егор Г.

Сонная Лощина: Наследие Торнов / Г. Егор — «Автор», 2025

Когда шериф Егор получает приказ отправиться в Сонную Лощину, он ожидает обычное расследование — пара странных убийств, немного паники и ничего больше. Но то, что ждёт его в этой туманной долине, не поддаётся объяснению. Жители шепчут о Всаднике без головы, который возвращается за теми, кто потревожил старое проклятие. С каждым новым шагом Егор всё глубже погружается в тайну, где мифы становятся реальностью, а разум — единственная защита от ужаса. Сонная Лощина станет ареной последнего поединка между человеком и древней тьмой. И лишь тот, кто осмелится взглянуть страху в лицо, узнает, что легенды — живы.

© Егор Г., 2025

© Автор, 2025

Григоревский Егор

Сонная Лощина: Наследие Торнов

Глава 1. Зов долины

Последний глоток остывшего чая горьковатой тягучей массой пополз вниз по пищеводу. Шериф Егор поморщился, отставив в сторону глиняную кружку с потрёпанной надписью «Лучшему папе». Он уже допивал свой чай, разбирая кипу бумаг, когда в дверь постучали. Не просто постучали – три отрывистых, чётких удара, которые врезались в дремотную тишину кабинета, словно пули в мишень. Стук был твёрдым, лишённым всякой робости, и это сразу насторожило.

Кабинет шерифа Егора был его личной вселенной, пахнувшей старым деревом, оружейной смазкой, пылью и слабым, но стойким ароматом вчерашнего кофе. Он как раз вникал в витиеватые жалобы миссис Хиггинс, чей драгоценный сад, по её словам, «был варварски разорён неведомой нечистью, польстившейся на яблоки сорта „Антоновка“». Егор даже мысленно представил этого «варвара» – местного мальчишку, который, скорее всего, просто не удержался перед соблазном. Рутинная. Скучная, предсказуемая рутинная, которую он, как ни парадоксально, иногда ценил больше, чем громкие дела. Она была признаком того, что в мире всё спокойно.

– Войдите, – буркнул он, не отрываясь от отчёта, водят тупым карандашом по полям.

Дверь скрипнула – тот самый заевший скрип, на который он вечно собирался обратить внимание и вечно забывал, – и на пороге возникла не просто фигура, а тень. Тень начальника, инспектора Крюгера. Его лицо, обычно выражавшее спокойную уверенность, сейчас было землисто-серым, будто его вылепили из усталости и запылённого гипса. Под глазами залегли тёмные, плотные мешки, а в уголках губ затаилась непривычная напряжённость. Он вошёл, и дверь сама собой прикрылась за ним, будто запечатывая кабинет от внешнего мира.

– Егор, брось ты эту ерунду, – голос Крюгера был низким, хриплым, будто он только что бежал или долго не пил воды. – Есть дело. Серьёзное.

Егор медленно, с некоторой неохотой, отложил карандаш. Он почувствовал, как по спине пробежал холодок. По тону Крюгера, по его осанке, по тому, как он стоял, вбив себя в пол, – было ясно: шутки кончились. Наступило то самое время, которого он всегда подсознательно ждал и которого одновременно опасался.

– В чём дело, слушаю Вас? – спросил Егор, откидываясь на спинку кресла. Оно ответило протестующим скрипом.

Крюгер тяжело опустился на стул напротив. Дерево под ним жалобно застонало, предчувствуя тяжесть разговора.

– Сонная Лощина. Ты слышал о такой?

В памяти Егора всплыли обрывки фраз, старые газетные заметки, байки, которые рассказывали поздно вечером в баре. Мистика, призраки, народный фольклор.

– Мифическое место? – он непроизвольно усмехнулся, пытаясь снять напряжение. – Призраки, всадник без головы, пропавшие путники? Сказки для туристов и впечатлительных бабушек.

– Мифы кончились две недели назад, – отрезал Крюгер, и его слова повисли в воздухе, холодные и тяжёлые, как свинец. – Там найдены два тела. Обоим отрублены головы. Аккуратно, под самый позвонок. Местный констебль... Хопкинс, кажется... в панике, шлёт зашифрованные телеграммы, в которых пишет больше о каком-то призраке, чем о фактах. Жители запираются в домах с закатом, на улицах – ни души. Говорят, видели того самого Всадника.

Егор перестал улыбаться. В кабинете стало тихо, слышно было только назойливое жужжание мухи, бьющейся об оконное стекло.

– Всадника? – переспросил он, чтобы выиграть время.

– Его. Нужен человек со стальными нервами, который не побежит за священником при виде чего-то необъяснимого. Который будет искать преступника, а не привидение. Я подумал о тебе.

В этих словах не было лести. Была констатация факта. Егор славился своим упрямым, почти болезненным рационализмом. Он верил в факты, в отпечатки пальцев, в логику, а не в сказки.

– Что говорит медэксперт? – первое, что пришло ему в голову.

– Ничего внятного. Травма несовместима с жизнью – это всё. Ни следов борьбы, ничего. Как будто они позволили это сделать. Или не увидели. Я уже молчу про то, что один из них был найден в запертой изнутри комнате.

Егор тяжело вздохнул, провёл рукой по лицу. Он чувствовал, как привычный, понятный мир рушится, как трескается лёд под ногами.

– Ладно, – коротко кивнул он. – Я выезжаю. Но, если это чей-то розыгрыш...

– Будем надеяться, что так, – мрачно заключил Крюгер, поднимаясь. – Держи связь. Там, говорят, проблемы со связью.

Через час внедорожник Егора, выдавший виды «УАЗ-Патриот», уже мчался по извилистой просёлочной дороге, уводящей прочь от шума и огней города в самое сердце глуши. Асфальт скоро закончился, сменившись ухабистой грунтовкой, так же как дорога к бабушке с дедушкой в далёкий посёлок Таёжный Канского района. Лес по сторонам сгущался, смыкаясь над головой плотным зелёным сводом. Солнечный свет, ещё недавно яркий и весёлый, с трудом пробивался сквозь частокол вековых сосен и елей, превращаясь в редкие золотистые лучи, которые терялись в подлеске. Воздух за бортом стал холоднее, влажнее, пахнуть хвоей, прелыми листьями и чем-то ещё древним, забытым.

«Прекрасное начало», – мысленно проворчал Егор, пытаясь поймать сигнал на радио. Из динамиков доносился лишь треск и шипение.

Внезапно навигатор на его телефоне, который он закрепил на панели, судорожно мигнул, на экране поплыли разноцветные полосы, и затем погас, будто его кто-то выключил. «Прекрасно», – на этот раз он сказал это вслух, с раздражением шлёпнув ладонью по приборной панели. Он уже собирался свернуть на обочину, чтобы сориентироваться по старой бумажной карте, как вдруг его взгляд упал на едва заметный просёлок слева.

Именно тогда он увидел её – покосившуюся, почерневшую от времени и непогоды хижину, прятавшуюся в тени разлапистых, могучих дубов. Она выглядела абсолютно заброшенной: крыша просела, одно окно было заколочено ржавой фанерой, а ставни на другом болтались на одной петле, словно вывихнутая конечность. Но инстинкт, тот самый, что годами нарабатывается у людей его профессии, заставил его резко вывернуть руль и свернуть на узкую, заросшую травой колею, ведущую к этому месту. Возможно, здесь кто-то есть. Возможно, здесь есть ответы. А может, просто крыша над головой, если машина окончательно откажется ехать.

Дверь хижины, когда он к ней подошёл, скрипела на одной-единственной петле, издавая звук, от которого хотелось скрипеть зубами. Внутри царил хаос, но хаос старый, застывший. Мебель была перевёрнута, на полу, покрытом толстым слоем пыли, валялись осколки посуды, обрывки газет с пожелтевшими фотографиями. В спальне, если это можно было так назвать, царил относительный порядок, если не считать того, что всё было покрыто саваном из пыли и паутины. Егор уже разворачивался, чтобы уйти, решив, что это пустая трата времени, когда его слух коснулся тихий, едва уловимый шорох. Не мышинный, нет. Более осторожный, сдержанный. Он шёл из старого, массивного дубового шкафа, стоявшего в углу. Дверца его была прикрыта, но не до конца. И в щели между дверцей и косяком царапала по дереву чья-то тень.

Глава 2. Тихий свидетель

Рука Егора привычным, отточенным до автоматизма движением легла на рукоять пистолета в кобуре на поясе. Мышцы спины и плеч мгновенно напряглись, готовые к рывку. Второй рукой он, не отводя взгляда от шкафа, нащупал свою тактическую дубинку, лежавшую в раскрытом рюкзаке. Холодный, знакомый вес полимерной рукояти успокаивающе лёг в ладонь. Воздух в хижине, и без того спёртый, словно сгустился, стал вязким, как сироп. Пыль, поднятая его движениями, медленно кружила в узких лучах света, пробивавшихся сквозь щели в ставнях.

Он двинулся к шкафу, ступая бесшумно, несмотря на свой рост и тяжёлые ботинки. Каждый шаг отдавался в тишине гулким эхом. Его мозг проигрывал возможные сценарии: за дверцей прячется запуганный свидетель, один из местных жителей, сбежавший сюда от ужаса? Или это ловушка? Маньяк, наслаждающийся охотой? А может, что-то похуже? Воспоминание о словах Крюгера о «необъяснимом» заставило его стиснуть зубы. Нет, он верил только в то, что можно потрогать и увидеть.

Подойдя вплотную, он на мгновение замер, прислушиваясь. Из-за дверцы доносилось прерывистое, поверхностное дыхание – кто-то там явно пытался не дышать, но страх сжимал горло и заставлял воздух свистеть в сжатых бронхах. Егор глубоко вдохнул, перехватил дубинку крепче и резко, одним движением, распахнул дверцу на себя.

В груди старого тряпья, выцветших одеял и какой-то одежды, сидел мальчик. Лет семи-восьми, не больше. Его огромные, не по-детски серьёзные глаза, полные бездонного, животного ужаса, были настолько широко раскрыты, что видны были белки вокруг радужек. По грязным щекам медленно текли слёзы, оставляя бледные полосы на запылённой коже. Он прижимал к груди потрёпанного плюшевого мишку, у которого не хватало одного стеклянного глаза, и всё его маленькое тело судорожно вздрагивало от каждого вдоха и выдоха. Он не плакал вслух. Он замер, словно кролик перед удавом, надеясь, что его не заметят.

Сердце Егора сжалось. Вся его боевая готовность, всё напряжение ушли, сменившись острой, почти физической жалостью. Он медленно, чтобы не напугать, опустил дубинку, положив её на пол, а затем отпустил рукоять пистолета, подняв обе ладони в умиротворяющем жесте.

– Эй, мальчуган... Тише, тише. Всё в порядке, – его голос, обычно хриплый и командный, теперь звучал нарочито мягко, почти по-отечески. – Я не причиню тебе зла. Видишь? – Он показал на шерифскую звезду, приколотую к жилету. – Я шериф. Я здесь, чтобы помогать таким, как ты.

Мальчик не ответил. Он лишь сильнее вжался в угол, обхватив мишку так, что его пальчики побелели. Его взгляд был прикован к Егору, но словно смотрел сквозь него, в какой-то свой внутренний кошмар.

– Меня зовут Егор, – продолжал шериф, медленно приседая на корточки, чтобы оказаться на одном уровне с ребёнком. – А как тебя зовут? Ты один здесь? Где твои мама и папа?

Слова «мама» и «папа», казалось, пронзили защитный кокон мальчика. Его губы задрожали, но звука так и не последовало. Лишь ещё одна крупная слеза скатилась по щеке и упала на плюшевую шёрстку мишки.

Уговорить его выйти из шкафа стоило Егору больших усилий. Пять долгих минут он говорил тихим, спокойным голосом, убеждая, обещая, что сейчас будет безопасно. Он рассказывал о своей машине, о том, что у него есть шоколадный батончик, о том, что они сейчас поедут в тёплое место. Постепенно ледок страха начал таять. Мальчик, не говоря ни слова, медленно, как сомнамбула, выполз из своего укрытия и доверчиво вложил свою маленькую, холодную ладонь в его большую, мозолистую руку. Доверие было абсолютным и оттого особенно хрупким.

– Молодец, – тихо похвалил Егор, сжимая его руку. – Очень смелый мальчик.

На выезде с лесной тропы, когда хижина скрылась за вековыми дубами, Егор заметил вдалеке, в разрыве между деревьями, очертания домов и тонкие струйки дыма, поднимавшиеся из труб к бледному небу. Сонная Лощина. Она была совсем близко. Теперь это название звучало для него не как сказка, а как зловещее предзнаменование.

Он уже подводил мальчика к машине, как у самого въезда в деревню, у старого, покосившегося деревянного забора, их ждал сутулый мужчина в поношенной, явно не по размеру форме местного констебля. Его лицо было землистого оттенка, глаза бегали, а пальцы нервно теребили ремень с кобурой, в которой болтался старый револьвер. Он загородил им дорогу, выставив вперёд дрожащую руку.

– Стой! Кто такие? – его голос срывался на фальцет, выдавая панику. – Что вам нужно?

Егор почувствовал, как маленькая ручка в его ладони сжалась с новой силой. Он шагнул вперёд, слегка прикрыв мальчика своим телом.

– Шериф Егор, – отчеканил он, демонстративно показывая свою звезду. – Прибыл по вызову инспектора Крюгера.

Лицо констебля выразило такое всепоглощающее облегчение, что он, казалось, вот-вот рухнет на землю. Он судорожно сглотнул, вытер лоб тыльной стороной ладони и сделал нечто, отдалённо напоминающее подобие чести.

– Слава Богу... Слава тебе, Господи, – забормотал он. – Я Констебль Хопкинс. Сил моих больше нет... Проходите, проходите, шериф. Мы вас ждали. Мы все вас ждали.

В его глазах читалась не просто радость, а отчаянная надежда, что теперь всё это тяжкое бремя ляжет на чужие, более крепкие плечи. Егор кивнул, чувствуя, как тяжесть этого взгляда и холодная рука мальчика в его ладони начинают тянуть его на дно новой, пугающей реальности.

Глава 3. Призрачный след

Деревня встретила их не просто тишиной, а гробовым, давящим молчанием, которое, казалось, было осязаемо. Улицы, вымощенные крупным, потрескавшимся булыжником, были абсолютно пусты. Ни детей, гоняющих мяч, ни старух на лавочках, ни разносчиков с тележками. Ставни на окнах низких, почерневших от времени бревенчатых домов были не просто закрыты, а наглухо заколочены крест-накрест свежими досками, будто жители готовились не к ночи, а к долгой осаде. Воздух стоял неподвижный, густой, пахнувший влажной древесиной, дымом от печей и чем-то ещё – сладковатым и неприятным, как запах увядших цветов. Даже птицы не пели в ближайших рощах. Единственным звуком был скрип вывески над единственной, как сразу стало ясно, гостиницей «Уснувший путник». На ней был изображён бледный, усталый путник, прислонившийся к придорожному камню, и картинка была настолько выцветшей, что казалось, сам путник медленно растворяется в небытии.

Гостиница оказалась таким же мрачным заведением, как и предвещала её вывеска. Низкая дверь вела в просторное, но тёмное помещение, где пахло старым пивом, воском для мебели и пылью. За массивной стойкой из тёмного дуба, покрытой царапинами и пятнами от стаканов, сидел тощий, сутулый мужчина лет пятидесяти. Он с нервным, почти маниакальным усердием полировал до блеска один и тот же бокал, словно в этом ритуале заключался единственный смысл его существования. Его взгляд был пустым и устремлённым в никуда.

Егор, не выпуская руки мальчика Луки из своей, шагнул к стойке. Звук его шагов отдался гулко в пустом зале.

– Мне нужна комната. На несколько дней, – коротко бросил он.

Мужчина даже не поднял глаз, продолжая водить тряпкой по стеклу.

– Все заняты, – пробурчал он глухим, безжизненным голосом. – Ничего нет. Попробуйте в соседней деревне. Если доедете.

– Я шериф, – Егор не повысил тон, но его голос приобрёл стальные нотки.

Эффект был мгновенным, как удар хлыста. Мужчина вздрогнул так, что чуть не уронил бокал. Его глаза, наконец, поднялись на Егора, и в них вспыхнула паника. Он засуетился, бросил тряпку, судорожно начал листать какую-то толстую книгу, хотя было очевидно, что она пуста.

– О, простите, сэр! Конечно! Я не посмотрел! Для вас, разумеется, всегда найдётся место! Лучший номер! – Он зачем-то понизил голос до конспиративного шёпота. – Для вас – бесплатно, само собой! Всё за счёт заведения!

Он протянул Егору большой железный ключ с массивной деревянной биркой, на которой было выжжено число «13».

– Номер тринадцать. Наверху, последняя дверь слева в конце коридора. Вид на главную улицу, – он криво усмехнулся, словно произнёс неудачную шутку. – Если, конечно, вам захочется на неё смотреть.

Номер оказался таким же унылым, как и всё остальное. Две узкие железные кровати с тощими тюфяками, покрытые грубыми шерстяными одеялами. Тумбочка между ними, на которой стояла керосиновая лампа, так как электричества, судя по всему, в гостинице не было вовсе. И единственное запylённое окно, выходившее, как и обещали, на главную улицу. Пейзаж за ним был безрадостным: пустая мостовая, заколоченные дома и нависающий над всем этим хмурый, серый небосвод.

Егор молча бросил свой рюкзак на одну из кроватей, вызвав облачко пыли. Он собирался что-то сказать Луке, как вдруг снаружи, сквозь стёкла, донёсся душераздирающий крик. Короткий, обрывистый, полный такого первобытного ужаса, что кровь стыла в жилах. И тут же, почти сливаясь с ним, прозвучало ответное леденящее душу, протяжное ржание. Оно было не похоже на ржание обычной лошади – в нём слышались металлические, хрипящие нотки, словно кто-то протаскивал пилу по ржавому железу.

Егор подскочил к окну, резко дёрнув за штору. Сердце яростно колотилось в груди.

То, что он увидел, заставило его кровь похолодеть. Прямо посреди улицы, в луже багровой, почти чёрной в сумерках крови, лежало бездыханное тело мужчины в простой холщовой рубашке. А в конце улицы, оседлав вороного, угольно-чёрного жеребца, стояла высокая, худая фигура. На ней был длинный, до пят, поношенный плащ времен Гражданской войны, поблёскивавший потухшими пуговицами. В его руке, сверкая в последних угасающих лучах солнца, была массивная, старинная секира с длинным топорищем. И там, где у любого живого существа должна была быть голова, красовался лишь пустой, торчащий воротник синего мундира.

Егор, действуя на автомате, схватил с тумбочки свою цифровую камеру. Он навёл её на фигуру, пальцы нащупали кнопку зума, чтобы приблизить изображение, зафиксировать детали... Но, когда он поднёс видоискатель к глазу, на том месте, где только что стоял Всадник, была лишь пустая улица. Он исчез. Бесследно. Будто его и не было. На мостовой оставалось лишь обезглавленное тело, тёмное пятно крови и наступающие сумерки.

В ушах у Егора стояла оглушительная тишина, прерываемая лишь его собственным тяжёлым дыханием и тихими всхлипываниями Луки, прижавшегося к его ноге.

Глава 4. Первое столкновение

Секунда. Всего одна секунда понадобилась Егору, чтобы переключиться с шока наблюдателя на холодный, профессиональный расчёт. Адреналин, горький и знакомый, ударил в виски, заставив сердце выбивать дробь в грудной клетке.

– Сиди здесь! Никуда не выходи и не подходи к окну! – его голос прозвучал резко, почти по-командирски, но в нём слышались не приказные нотки, а отчаянная попытка оградить ребёнка от ужаса, распростёршегося на улице.

Он не ждал ответа. Рванув со спинки стула свой кожаный жилет с бронепластинами, Егор в два шага пересёк комнату и вылетел в коридор. Дубовая дверь номера с грохотом захлопнулась за ним.

Внизу, в лобби, было пусто и тихо. Администратор, сидевший за стойкой, бесследно испарился. На его месте осталась лишь полупотполированная тряпка и тот самый бокал, стоявший как мишень в лучах тусклого светильника. Егор распахнул тяжёлую входную дверь и выскочил на улицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.